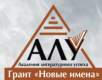

ЛЕВ АЛТМАРК

ТРАНСФЕР НА ТОТ СВЕТ

Тетралогия «Мент – везде мент»

Сага о Времени

(18+)

Лев Юрьевич Альтмарк
Трансфер на тот свет
Серия «Бестселлер (Союз писателей)»
Серия «Мент – везде мент», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64203686
Трансфер на тот свет: Союз писателей; Новокузнецк; 2018
ISBN 978-5-00073-840-5

Аннотация

Бывший российский мент Даниэль Штеглер уже давно живёт в Израиле. И если сперва его жизнь на новой родине не складывалась, то после событий, которые произошли некоторое время назад, всё в корне изменилось. Путешествия в прошлое, совершённые в качестве нештатного сотрудника израильской полиции, принесли ему определённую славу и даже без досконального знания иврита позволили занять своё место в штате полиции. Он сумел разыскать во времени людей, решивших изменить ход истории, и вот совсем недавно ему довелось поработать под прикрытием и помочь поймать крупных торговцев оружием. Но операция так и не закончилась полным успехом, и главный организатор сети торговцев и потенциальный свидетель погиб. Пообщаться с ним можно теперь только на том свете. Но как удачно, что один известный учёный уже разработал способ

перемещаться между миром живых и миром мёртвых! Именно Даниэлю придётся взять на себя очередную нелёгкую миссию. Кстати, новые технологии становятся необходимы не только копам, но и бандитам. Ведь столько секретов унесли с собой в могилу гениальные изобретатели прошлого, а использовать их можно в своих корыстных целях прямо сейчас...

Содержание

Часть 1. Трансфер туда	6
1	6
2	21
3	39
4	48
5	65
6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лев Юрьевич Альтмарк

Трансфер на тот свет

© Альтмарк Л., текст, 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

* * *

*...Если бы к небу и к земле были приделаны
кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы
небо к земле...*

И. Бабель «Как это делалось в Одессе»

*...Умер нищим, хотя был самым богатым
человеком, когда-либо жившим на свете
Посмертное слово мэра Нью-Йорка Фьорелло
Лагардиа*

Часть 1. Трансфер туда

1

...Ещё минуту назад я бежал по бескрайнему зелёному полю, усеянному белыми шарами, задевая их краями одежки, и следом за мной тянулось весёлое одуванчиковое облако. Наверное, наблюдать за этим со стороны было красиво, но вряд ли кто-то, кроме меня, мог такое сейчас видеть.

Я бежал, и душу мою переполняла радость, словно я после долгих поисков наконец добился всего, чего мне так не хватало, а если что-то оставалось недостижимым, то это наверняка было мелким и несущественным. Единственное, чего мне всё ещё хотелось, это не забыть те несколько вещей, ради которых я, собственно говоря, сюда и попал...

Поднимаю голову и гляжу вверх, но на голубом небе ни облачка. Линия горизонта, где сливается зелень с тёмно-голубым краем неба, слегка размыта и невообразимо далека. Но у меня хватит сил добежать до неё. Хотя... зачем мне это? Что я там забыл? И сам уже в точности не помню.

Может, лучше остановиться и упасть в траву? Мне так давно хотелось этого!.. Разглядывать, как стебли покачиваются от лёгкого дуновения ветра, как наливаются молочной белизной волнующийся шар одуванчика рядом. Слушать,

как травинки трутся друг о дружку и как новые ростки выкарабкиваются из земли к свету, тихо нащёптывая что-то собрату.

Можно, наверное, на время забыться в этой траве... Но тогда вещи, ради которых я здесь, так и останутся невыполненными. А мне этого меньше всего хочется.

...Глаза режет яркий свет даже сквозь сомкнутые веки. В ушах какой-то неясный гул, а в висках колотят тяжёлые и болезненные удары. Мне уже знакомо это состояние. Единственное желание – продолжать спать, чтобы хоть во сне было поменьше света и гула...

– Даниэль, возвращайся, – сквозь шум в ушах пробивается чей-то далёкий голос. – Мы знаем, что ты с нами. Тебя все ждут, давай...

Мне так спокойно и приятно лежать на зелёном травяном поле среди одуванчиков, разглядывать небо и далёкий горизонт, ни о чём не думать и никого не видеть. Наслаждаться необычным покоем и тишиной... Зачем вы мне мешаете?..

– Может, сделать ему ещё один укол, чтобы поскорее в себя приходил? – спрашивает голос.

– Не надо, – отвечает другой голос. – Дайте ему ещё пять минут. Он и без укола справится. Первый раз, что ли?

– Время не терпит!

На самом деле никакого укола не будет. Просто мне в руку воткнуты две или три капельницы, и к каждой из них можно

подсоединить шприц. Когда это произойдёт, я почувствую, как по руке побежит что-то холодное и чужеродное, и сразу же следом лёгкая, покалывающая волна покатится по груди и спине к затылку, меня легонько тряхнёт, и я вначале задохнусь, а потом переведу дыхание и смогу спокойно открыть глаза. Было уже такое в прошлый раз, когда врачам показалось, что я долго не прихожу в себя.

– Смотрите, моргает ресницами и шевелит пальцами, – снова доносится голос, – наверное, услышал про укол и показывает, что он не нужен. Что я вам говорил?

С трудом открываю глаза и пытаюсь сквозь мутную пелену разглядеть окружающих.

– Ну, вот и замечательно. С возвращением, Даниэль!.. Включайте видеокамеру.

«...Я, Даниэль Штеглер, сотрудник полиции, в рамках своих служебных обязанностей занимался сбором фактов и раскрытием израильского филиала международной сети торговцев оружием. За время работы мне удалось определить и выявить каналы поставки крупных партий оружия в наш регион из Украины, Беларуси, России, Китая и некоторых других стран. Более того, мне удалось войти в контакт с организаторами трафика – гражданами России Баташовым Дмитрием по кличке Бот и Дзгоевым Русланом по кличке Глен. Нашим спецслужбам и прежде было известно, что они промышляют контрабандой наркотиков, однако по мере раз-

работки банды выяснилось, что сферы их криминальных интересов шире, то есть они, помимо наркотиков, занимаются и оптовыми оружейными поставками. А если принять во внимание денежные доходы от продаж оружия, то это вполне можно считать их основной сферой деятельности. Наркотики – побочный бизнес...»

– Извините, что прерываю вас, Даниэль, но мы готовим вашу будущую пресс-конференцию перед ведущими мировыми информационными агентствами, и нам хочется, чтобы картина была достаточно полной и объективной. Руководителям операции и вам, как непосредственному исполнителю, журналисты будут задавать много каверзных вопросов, и лучше всего, чтобы вы в своём вступительном слове заранее ответили на наиболее вероятные из них. Например, такой: если оружие, поставляемое Баташовым и Дзгоевым, предназначалось, в частности, палестинским террористическим группировкам, откровенно ненавидящим Израиль, то как Баташов и Дзгоев решились довериться вам, гражданину Израиля? Ответы на подобные вопросы, согласитесь, всегда лучше иметь в кармане заранее...

– Бот и Глен знали, что я еврей, но им нужен был в Израиле свой человек, которому они доверяли бы полностью. Их не насторожило даже то, что я бывший работник российских правоохранительных органов. Хоть к таким, как я, у них традиционная профессиональная неприязнь, они понимали: если я оставил работу в российской милиции и приехал сюда

начинать жизнь с нуля, значит, у меня имелись на то серьёзные причины. Как пример – разногласия с моими бывшими сослуживцами и, может быть, даже с законом. Кроме того, у них, несомненно, была возможность сто раз проверить по своим каналам, что я не вру. И они это, как я убедился, сделали. Их удовлетворило, что я оставил работу в милиции, или, как сегодня её называют, в полиции, но не как сотрудник, не прошедший переаттестацию, а в связи с отъездом на историческую родину. К тому же их растрогала моя старая татуировка на плече...

– Какая татуировка?

– «ВДВ». Я служил срочную службу в Воздушно-десантных войсках, а в их подручных состоит сегодня один из моих бывших однополчан, которому они доверяют абсолютно...

– Говорите, что он состоит и сегодня?

– Простите, ошибся: состоял раньше. Всё никак не могу привыкнуть к мысли, что почти всех их подручных наши российские коллеги уже арестовали.

– Хорошо, продолжайте.

– Свою работу у них я начал простым курьером, поначалу перевозившим через границу небольшие партии наркотиков, оружия и денег. Как я понял, это была длительная и доскональная проверка. Проколов у меня ни разу не было, поэтому со временем меня подключили к более серьёзным вещам – договорам, организации безопасного трафика, к поиску нужных людей и рядовых исполнителей.

– О каких количествах наркотиков и оружия идёт речь? И о каких типах вооружения? Ясное дело, что здесь уже давно существует профессионально организованный траффик...

– Мне не хотелось бы сейчас отвечать на эти вопросы, потому что цепочки до конца не раскрыты, и существуют люди, на которых мы ведём охоту, но о которых пока мало сведений. Если с наркотиками всё более или менее понятно, то с оружием намного сложнее. Тут уровень секретности выше. Вы же отлично понимаете, что по типу вооружения можно спокойно выйти на изготовителя или склады, тем самым подставив всю цепочку и наших людей, работающих в них под прикрытием. Ограничимся лишь информацией о том, что каждый раз разговор шёл о достаточно больших партиях... Так вот, на самой последней стадии нашей операции, когда было решено взять всю верхушку, Глен, словно почувствовав надвигающуюся опасность, исчез, и никто не знал, где он. Исходя из оперативной обстановки, наше начальство решило, что медлить дальше нельзя: брать организаторов, так или иначе, нужно сейчас и не откладывать. В первую очередь Бота, как главного идеолога сети. Его подручный Глен без него долго не продержится, обязательно где-то проколется. Наркотрафик был уже практически полностью под нашим контролем, а следом за наркотиками непременно потянется оружие...

– Это понятно, предыстория событий нам хорошо известна. Расскажите, пожалуйста, непосредственно о том, что

происходило во время операции по захвату Бота и что случилось потом.

– Через подставных лиц Боту сообщили, что с ним хочет встретиться один из лидеров палестинской террористической организации, печально известной во всем мире. Сомнений в желании приобрести оружие и серьёзности его намерений при финансовой поддержке и гарантиях иранских спонсоров у Бота не возникало. Но встреча могла произойти только на территории Израиля. Не секрет, что израильские спецслужбы держат под колпаком этого махрового террориста, так что выехать за пределы страны ему просто не удалось бы. Или, если удалось бы, то вернуться назад уже вряд ли получилось бы. С другой стороны, до Бота довели информацию о том, что спецслужбы можно обвести вокруг пальца, если этот супертеррорист отважится появиться в центре Тель-Авива, где у него есть сообщники, которые обеспечили бы ему безопасность. Просто такого от него никто не ожидал бы. Короче говоря, основным условием заключения сделки он поставил прибытие в Израиль самого Бота. А я... я к тому времени уже стал если не правой его рукой, то, по крайней мере, одним из близких и доверенных друзей. Почти как Глен... Дайте мне стакан воды!

– Тебе плохо, Даниэль? Может, прекратить съёмку? – это вмешивается кто-то из врачей. – Ну, хотя бы на пару часов, пока отдохнёшь и приведёшь себя в порядок?

– Не надо. Жалко время терять... Так вот. Когда мы прие-

хали на встречу в Тель-Авив, Бот, как мне показалось, сразу что-то заподозрил. Он потому и продержался на рынке наркотиков и оружия достаточно длительное время, что имел какое-то невероятное звериное чутьё на опасность. Так вот, он потребовал, чтобы за полчаса до назначенного времени я перезвонил клиенту и поменял место встречи, пригрозив в противном случае сорвать сделку и отбыть восвояси. Однако мы уже были в ловушке и окружены, тем не менее просто подойти и арестовать Бота не представлялось возможным. Никаких прямых улик против него всё ещё не было. Всё-таки он иностранный гражданин. Требовался нестандартный ход. Может быть, даже спровоцировать его на какой-то поступок, который даст повод к задержанию. Тем более находились мы в тот момент в достаточно безопасном месте, в районе трущоб около старой тель-авивской автостанции, а новое место встречи он перенёс в район Дизенгоф-центра, где всегда многолюдно, а значит, захват осложнялся тем, что мог привести к случайным жертвам из числа посетителей центра.

— Теперь понятно, почему вы ни с того ни с сего закричали Боту, что окружены и вас предали...

— Да, я самостоятельно решил спровоцировать его на действие, и это удалось. Бот запаниковал, начал стрелять и, кажется, попал в кого-то из нелегалов, которые обитают в районе старой автостанции. А потом выскочил на дорогу, остановил какую-то машину, вышвырнул водителя из-за руля и

укатил. Я и другие, кто был с ним, просто замерли на месте.

– Всё верно, Даниэль, так и было. Рассказывайте дальше.

– Как мне стало потом известно, в ходе погони он был ранен, не справился с управлением и вылетел с моста на дорожной развязке. Бригада «скорой помощи» констатировала его смерть, а дальше... а дальше мне поступило предложение участвовать в этом необычном эксперименте.

– Расскажите, Даниэль, подробней непосредственно об эксперименте. Теперь то, что мы снимаем на камеру, можно будет предъявить в качестве ваших свидетельских показаний на закрытом судебном заседании. Вы же понимаете, что из оперативных соображений присутствовать непосредственно в зале вам не удастся. Вас просто пока не существует. Спустя какое-то время вы, если пожелаете, сможете продолжить службу, но уже, естественно, с новым именем. А после пластической операции, вы вообще станете совершенно другим человеком. Если, конечно, захотите... Продолжайте, пожалуйста.

– Нашим руководством было предложено следующее. Меня введут в состояние глубокого транса, то есть почти клинической смерти, и сознание... ну, или то, что мы привыкли называть душой, покинет моё тело и устремится туда, где находятся души всех умерших. Более строгое научное определение – в «иное измерение». Хотя и это определение, наверное, никакое не научное. Так мне объяснили, по крайней мере... Я обязан буду встретиться с душой Бота и постараться

выяснить у него некоторые вопросы, на которые мы так и не получили ответы. В частности, где мог в Тель-Авиве укрыться Глен. Ведь Бот это наверняка знает. Опасаться ему теперь некого, ибо душа бессмертна, и никто ему никакого вреда причинить отныне не сможет... А спустя некоторое время врачи выведут меня из состояния транса, то есть вернут душу в брненное тело, и я, побывав на том свете, вернусь на этот свет с ценной информацией. Повторяю, так я понял со слов моего начальства и врачей. Могу в терминах и ошибаться... Тем более времени у нас почти не было, а наши специалисты уверили меня, что метод уже опробован и достаточно безопасен, хоть до последнего времени и не предавался широкой огласке в СМИ...

– Как видите, вы вернулись в полном порядке. Результат превзошёл ожидания. Руководство благодарит вас за всё, что вы сделали, и приняло решение, наконец, открыто заявить об этом в печати и на телевидении... У вас есть какие-то претензии или пожелания?

– Нет. Хочу поскорее вернуться в своё привычное состояние...»

У меня снова разболелась левая рука. Несколько лет назад я попал в автомобильную аварию, и левую мою руку размолоило в лепёшку. Пришлось выдержать четыре операции, пока врачи наконец слепили какое-то её подобие из крошева и осколков костей и научили этим подобием пользоваться.

Сейчас уже ничего не напоминает о прошлом, лишь шрамы от плеча до кисти. Да ещё тупые ноющие боли, чаще к перемене погоды. Говорят, с годами это будет усиливаться, но пока терпимо.

Надо попросить медсестру принести таблетку обезболивающего. Однако голос восстановился ещё не до конца, в горле что-то хрипит. И слабость. Видно, этот дурацкий переход от жизни к смерти и наоборот не такая уж приятная и лёгкая процедура, как мне обещали.

Закрываю глаза, и снова погружаюсь в свой сон. Там мне хорошо, и... ничего не болит.

Первых мгновений не помню. Наверное, прошло какое-то время, потому что сразу после больничной палаты, в которой меня обвешали непонятными приборами, облепили со всех сторон датчиками и капельницами, я оказываюсь в сером обволакивающем тумане, и он повсюду: под ногами, над головой, – а я плыву в нём совершенно свободно, словно рыбка в океане. В голове крутится вычитанная из бульварных книженок банальная картинка: в такой экстраординарный момент человек как бы проносится по туннелю, в конце которого его встречает необычный свет. И ни о чём сейчас не могу думать, кроме бесконечного пережёвывания этого завязшего в зубах стереотипа, уже заложенного в сознании и выбранного в начале путешествия... Путешествия – куда? Я это назвал для себя – «на тот свет». Трансфер на тот свет, не иначе.

Лечу в этом тумане и неожиданно начинаю понимать: что-

бы окончательно не сойти с ума (хотя... куда же дальше?), необходимо на что-то опереться взглядом. Может, в действительности ничего этого не существует, но воображение послушно рождает туннель с далёким светящимся выходом — и я уже в нём...

Мне пока не страшно, хотя перед началом процедуры было несколько тревожно. Врачи меня успокаивали и твердили, что всё закончится хорошо. Методика возвращения с «того света» разработана детально и уже опробована, и всё это очень похоже на обычную операцию, когда пациенту вводят наркоз, а потом стандартными способами выводят из него. По завершении всегда бывают слабость и неприятные ощущения.

Но одно случайно оброненное слово «смерть», пускай клиническая и невзаправдашняя, чёрной колючкой сразу впилося в мою память и не даёт покоя. Разработавший уникальный метод профессор Гольдберг, наше медицинское светило и главный авторитет в таких вопросах, дважды приходил беседовать со мной. Смерть, убеждал он, вовсе не окончательное исчезновение человека и его личности, а всего лишь переход из одной формы существования разума в другую. Разум, то есть наша душа, и в самом деле бессмертная субстанция. Наши праотцы знали об этом и пытались передать потомкам не столько само знание, сколько уверенность в том, что по-настоящему смерти нет, а значит, нет и причин для печали. Однако мы настолько привыкли к сво-

ей сегодняшней оболочке и не хотим расставаться с ней, не доверяя религиозным авторитетам, утверждавшим, что наша земная жизнь – только одна из форм существования бессмертного разума. Заступая за незримую грань, мы погружаемся в неизвестность, откуда возврата нет. Оттого она и становится для нас источником переживаний и страданий. Неизбежность и невозможность перекроить свою судьбу страшит нас. Не существует на свете, наверное, более жгучего желания, чем заглянуть за грань жизни и смерти и тотчас вернуться, чтобы рассказать живущим, что там. Да и никто и никогда до конца нам не поверит. Я и сам не поверил бы... Замкнутый круг.

– И вам действительно удалось это сделать? – спрашивал я профессора Гольдберга. – Вам удалось вернуть назад душу, то есть сознание, в брненное человеческое тело?

Профессор глядел на меня мудрым и печальным взглядом библейского Соломона и кивал головой:

– Да, но при соблюдении некоторых условий.

– Каких?

– Тело, которое покидает душа, должно быть, выражаясь современным языком, полностью работоспособным. Все его органы должны быть здоровыми. Душа не сможет существовать в теле человека, погибшего в огне или утонувшего, разбившегося в автокатастрофе или с пулями, попавшими в жизненно важные органы. Сюда же можно отнести рак и другие смертельные заболевания. Сами представьте, душа

покидает тело, а вернуться ей уже некуда.

– Иными словами...

– Иными словами, если я искусственно введу человека в глубокий транс, то есть в то, что вы по незнанию называете клинической смертью, то смогу его потом, как бы вы опять сказали, «воскресить»...

Почему-то я безоговорочно поверил словам Гольдберга и согласился на рискованный эксперимент. Наверное, вся моя предыдущая жизнь была подготовкой к этому безумному и одновременно логичному для меня шагу. Столько раз я ходил по грани между жизнью и смертью, отчаянно веря в фортуна, и она меня не подводила.

Сколько себя помню, я всегда был ментом и любил свою работу. Она стала моим призванием, как бы это вычурно и неправдоподобно не звучало. Погони, перестрелки, поиски прячущихся от правосудия бандитов – всё это было моё. Именно призвание, а не просто работа. И я думал, такое продлится вечно, до глубокой старости. Что ждет меня потом?.. Нет, так далеко я не заглядывал. Да и не всё ли равно? Просто поводов для подобных размышлений никогда не возникало. А уж времени... времени не было тем более.

Но судьба распорядилась иначе. Когда я оказался в Израиле, вдруг выяснилось, что здешних бандитов успешно ловят и без меня. Всё, что я теперь мог, это поглядывать со стороны за тем, как кто-то другой прекрасно справляется с этим

делом, и молча завидовать. Попытки устроиться в израильскую полицию всегда заканчивались провалом. Формальный повод – плохое знание иврита.

Но всё же меня не оставили без внимания. Не такие уж дураки руководили здешней полицией, чтобы не понимать, насколько глупо разбрасываться опытными кадрами, прошедшими неплохую школу российской милиции. Так я и стал поначалу нештатным сотрудником, а со временем дорос до агента под прикрытием. Правда, уже находясь в штате полиции.

А теперь? Теперь начиналось что-то новое, к чему я был готов и одновременно не готов. Мудрые слова и философские рассуждения уходили куда-то в сторону, и я один на один оставался с этой вселенской неизвестностью.

...По-прежнему лечу в сером тумане и пробую представить себе туннель, якобы посещаемый людьми, пережившими клиническую смерть. Грешным делом я успел всё-таки полистать кое-какие книжки. Может быть, сделал это напрасно, и не нужно было этого делать, но... не удержался.

И тут же, словно по мановению волшебной палочки, туман бесшумно сворачивается в громадную воронку, которая всасывает меня. Но мне всё ещё не страшно, а только любопытно: что будет там, куда меня, как пушинку, увлекает этот беззвучный ласковый вихрь? И тот ли это рождённый чужой фантазией туннель, заканчивающийся светом?

Лечу, и какие-то полупрозрачные пенные струи обтекают меня, слегка шевелят волосы и края распахнувшейся рубашки, но я с любопытством поглядываю вперёд. Постепенно серо-молочная даль расступается, и я даже не замечаю, как в какой-то непредсказуемый момент оказываюсь на бесконечном зелёном поле. Вокруг какие-то люди, много людей, но они не обращают на меня никакого внимания. Одни проходят мимо, едва не задевая меня своими одеждами, другие сворачивают в сторону ещё за несколько шагов.

Странно это и необычно. Впрочем, что может быть обычного в этом месте? Здесь всё изначально странно.

В голове никаких мыслей – ни плохих, ни хороших. На-

оборот, хочется спокойно лечь на траву, раскинуть руки и лежать, закрыв глаза и слушая тишину... Хотя тут даже звуков почти нет, лишь лёгкий шелест невидимого ветра и шуршание шагов проходящих мимо людей.

Стоп! Тру глаза и вдруг вспоминаю: профессор Гольдберг предупреждал, что отправляет меня в этот мир максимум на два-три часа, а потом, хочу я того или нет, выведет из состояния транса. Если задержусь здесь, то в моём бедном теле могут начаться необратимые физиологические изменения, как при настоящей клинической смерти, и мне просто не во что будет возвращаться! Раньше путешествие удавалось растянуть всего на несколько минут, а теперь у него есть новые, продвинутые методики. Возможно, скоро получится растянуть пребывание здесь до суток, а то и больше, и он непременно доберётся до такой возможности, но сейчас рисковать пока не стоит.

Нужно срочно искать Бота да ещё придумывать, как у него узнать, где прячется Глен. Может, удастся краем дополнительно зацепить какую-нибудь информацию о неизвестных нам поставщиках и получателях последних партий оружия. Там, в той жизни, вытащить подобное из Бота было невозможно даже под пыткой. Наркотики, по сути дела, служили ему только прикрытием, и о них можно было худо-бедно что-то услышать от него, а вот про оружие он всегда молчал. Даже ему, хозяину положения, распускать язык про это не очень-то хотелось. Здесь же, когда все концы обрублены, мо-

жет, он и разговорится.

Но как его найти?

Медленно бреду среди безмолвных людей и вглядываюсь в лица.

— Куда ты направляешься? — голос за спиной.

Оборачиваюсь: передо мной совершенно белый человек. Не седой старец в белых одеждах, каковым часто рисуют Всевышнего на библейских картинках в популярных книжках, а именно белый человек. Людей с такой белой кожей встречать прежде мне просто не доводилось.

— Я ищу своего друга, который совсем недавно... — почему-то запинаясь.

— Умер — ты хотел сказать? — лицо белого человека похоже на неподвижную маску, но мне кажется, что он слегка улыбается. — Не бойся этого слова. Это там, — он машет рукой куда-то в сторону, — люди считают, что смерть — финал существования, потеря всего, что было для них важным и жизненно необходимым. Здесь очень быстро начинаешь понимать, что на самом деле это только очередная ступенька, на которую все мы поднимаемся, чтобы перейти на новый уровень существования. У каждого он свой, как и дороги, ведущие к главной цели...

— И что же это за цель? — невольно вырывается у меня. Всё это я уже слышал от профессора Гольдберга, а вот про цель мне пока никто не рассказывал.

— Цель тебе никто не укажет, потому что это великая тай-

на. Но даже эта тайна у каждого своя... Пойдём, отведу тебя к твоему другу.

– Ты знаешь, кто мой друг?

Белый человек не отвечает, лишь аккуратно огибает меня и идёт вперёд, не оглядываясь. Минуту раздумываю над сказанным, потом следую за ним.

Кто он? Я так и не поинтересовался, а сейчас хочу догнать и спросить, но почему-то у меня не получается.

– Скажи, – кричу ему в спину, – про какую тайну ты всё-таки говоришь? И почему у каждого она своя?

Не оборачиваясь, человек отвечает:

– Всех нас, по сути дела, волнует всего один вопрос во всех жизнях, что отпущены каждому от начала времён до их завершения: выполнил ли я своё предназначение или нет? Кто, кроме тебя самого, отыщет ответ на этот вопрос? И ведь самое обидное и неприятное – ошибиться. Поэтому мы подспудно переносим ответ на свою следующую жизнь... В этом, наверное, и есть тайна. Ты и сам поймёшь это рано или поздно.

– Но я могу уже сейчас ответить, по крайней мере, за себя, – вздыхаю облегчённо. – Как же мне не знать о своём предназначении?

– Не торопись. Ты даже сотой части самого себя не знаешь. Поверь, сложнее всего – давать ответы на вопросы, которые кажутся очевидными. Каждая истина имеет несколько уровней постижения, и кто знает, какой из них самый глу-

бинный? Не торопись с ответами... А сейчас посмотри вперёд, там твой друг. Всё, прощай...

Больше моего попутчика, моего неожиданного Вергилия, рядом со мной нет.

Всё это выглядит очень странно, хоть и кажется чем-то давным-давно известным и пройденным. А может, просто воображение услужливо преподносит картины, которые я столько времени пытаюсь выстраивать в своём сознании, а потом, перешагнув черту, пробую, наконец, увидеть собственными глазами? А может, просто в какой-то момент всё неожиданно начинает наслаиваться друг на друга: давнишние восторги и переживания, полустёртые образы и неясные воспоминания, детские страхи и сновидения?..

Прохожу ещё несколько шагов и смотрю туда, куда указал мой собеседник.

Впереди небольшая группа мужчин. О чём они переговариваются между собой, не разобрать, но Бота я замечаю сразу. Это всё тот же нервный и стремительный человек, который в любой компании всегда становится лидером, но... сегодня в нём что-то переменялось. Это заметно даже издали.

Впрочем, что тут удивляться? Здесь всё иначе... С другой стороны, откуда мне знать, каков этот мир, если я оказался тут всего несколько минут назад? Рай или ад? Ни на то и ни на другое не похоже. Впрочем, как мне быть уверенным здесь в чём-то, если и в своём мире не очень-то?!

– Бот, – зову его, и он сразу оборачивается.

– А, Даник, и ты уже прибыл, – без интереса говорит он. – Тебя, значит, тоже...

Подхожу к нему и протягиваю руку, но он её не пожимает, только отворачивается и недовольно цедит сквозь зубы:

– Как думаешь, кто нас с тобой сдал?

– Какая теперь разница? – развожу руками. – Что изменится, если ты узнаешь?

– И то правда... – Бот отворачивается и присаживается на корточки, потом осторожно трогает пальцем белый одуванчиковый шар и с интересом провожает взглядом разлетающиеся пушинки. – Жаль, что не смогу добраться до этого гада...

Мне становится немного неловко, потому что речь идёт как раз обо мне, но что он теперь может сделать? Хорошо бы, конечно, выложить ему в глаза всю правду, ведь друзьями мы с ним так и не стали, хоть и провели вместе много времени. Да и не мог я ему стать другом! Не хочу сказать, что я такой правильный и справедливый, но его оружейный бизнес строился на крови, в том числе и на крови моих соотечественников-израильтян, поэтому ничего, кроме ненависти, испытывать к нему я изначально не мог. Но должен был терпеть и улыбаться, чтобы со временем вывести на чистую воду, разрушить его прибыльную концессию, перекрыть канал поставки оружия одуревшим от безнаказанности и лютой злобы к иноверцам исламским фанатикам. И сделать это я дол-

жен был даже не по долгу службы, а по совести. Так что никакой он мне не друг, и даже его смерть ничего не изменила: это по-прежнему враг, и притом из тех, которые никогда не смогли бы заслужить прощение.

Конечно, не один Бот занимался таким подлым ремеслом. Наверняка были и есть до сих пор негодяи крупнее его. Если потребуется втереться в доверие ещё к кому-то из этой омерзительной братии, чтобы препроводить пару-тройку душегубов сюда, на это бескрайнее зелёное поле, усеянное одуванчиками, я снова буду готов к подобной неприятной миссии. Как бы мне ни было противно или тяжело. Это не жестокость, это необходимость и милосердие к тем, кто становится их мишенью.

– Думаю, наш друг Глен сумеет найти того человека, – присаживаюсь рядом с Ботом и тоже касаюсь одуванчика. – Это кто-то из твоего окружения... А может, сам Глен тебя и сдал?

Бот недоверчиво глядит на меня и отрицательно качает головой:

– Зачем ему меня сдавать? Он человек жадный, но не подлец. У него и так денег куры не клюют. Всё его в нашем бизнесе устраивало. Он ведь был, по сути дела, обыкновенным туповатым боевиком, которого я приблизил к себе только потому, что он хорошо выполнял приказы и стрелял, не раздумывая. Я сочинял комбинации, и Глен выполнял от и до всё, что требовалось. А без меня ему придётся самому моз-

гами шевелить. Оно ему надо? Так что не в его интересах от меня избавляться. Даже наоборот...

Ниточка, за которую я так удачно потянул, вот-вот готова оборваться.

– Почему же он тогда не пришёл тебе на помощь?

– Самому подставляться? – Бот с сожалением смотрит на меня. – Он туповатый, но далеко не дурак. Да и в Израиле ему есть где отсидеться, пока пена сойдёт.

– Неужели?! Вот не знал!

Сердечко у меня начинает биться от радости, и Бот это сразу чувствует:

– Между прочим, я на тебя в обиде. В Израиль-то я согласился приехать только потому, что понадеялся на тебя, Даник. Ты клялся, что знаешь там все входы-выходы, – он пристально разглядывает меня и криво ухмыляется. – Да не бойся, не подозреваю я тебя в измене, потому что прекрасно знаю, на что ты способен. Ну, кто ты в этом хвалёном Израиле? Никто и звать тебя никак! Это в России ты был ментом и что-то весил, а в Израиле... А вот с Гленом другое дело. Хоть он в Израиле и не местный, но у него даже там есть родственники. И притом хорошо упакованные родственники...

– Первый раз слышу! – теперь уже удивляюсь совершенно искренне. – Он что, еврей?

– Черкес. Он давно уже мне рассказывал, что у него дальний родственник по отцовской линии живёт в городе Яффо и много лет держит маленький рыбный ресторан прямо на

набережной. Мы с ним в этом шалмане даже ужинали.

– Почему я об этом ничего не знал?

– Ты же нам тогда заявил, что, пока выдалась свободная минутка, должен непременно навестить матушку в Беер-Шеве, и уехал к ней, а мы с Ботом, коли уж нарисовался свободный вечерок, наведались к его дядюшке и погуляли от души...

Теперь все становилось ясно. И то, что Глен не стал палить в белый свет, как в копеечку. И то, что не ломанулся следом за Ботом ловить машину, так как у него был запасной вариант с укрытием, где можно спокойно пересидеть несколько дней, не высываясь на улицу. И то, что его потом не смогли нигде найти, а ведь тогда моментально перекрыли всё, что можно, и даже его портрет уже через час был на руках у всех полицейских большого Тель-Авива. Короче, парень подстраховался, и Бот, может быть, рассчитывал на его помощь, но... не срослось. Или Глен не захотел выручать хозяина, спасая собственную шкуру. Зачем ему подставляться?

Поднимаюсь с корточек и отряхиваю руки:

– И всё равно как-то несправедливо получается. Ты здесь, а ему хоть бы что. Небось, по-прежнему девочки, коньячок...

– Меня коньячок и девочки никогда особо интересовали, – Бот тоже встаёт, потягивается и закладывает руки за спину. – Ты же меня знаешь. Но как ты не понял, Даник, что для меня важнее всего независимость. Что хочу, то и де-

лаю. И никому ничего объяснять не обязан. А наркота и оружие... Это как спорт. Другие не могут такие дела раскручивать: принципы у них какие-то замшелые и прочая лабуда, а у меня всё сразу пошло в гору. Можешь мне поверить – многие пытаются на этом копеечку срубить, да силёнок и смелости не хватает. А у меня хватило. Сейчас уже всем могу этим без опаски хвастаться. Когда каждый день ходишь по лезвию бритвы, на многие вещи иначе смотришь... Самые отмороженные фанаты-кровососы ко мне на поклон за оружием шли. Думаешь, я зверь какой-нибудь и не понимаю, какие они законченные твари? В другой ситуации эта публика меня, наверное, как таракана раздавила бы, а тут – полное уважение и глаза, как у собаки, которая клянит кусок хлеба у хозяина. Захочу – загружу их без лишних вопросов качественной наркотой, ружьишками да разными смертельными игрушками, притом не халтурной китайской подделкой, а нормальным российским железом. Не захочу – пускай к китайцам и прочей шушере идут на поклон. Там всех страждущих нагрузят дерьмом по полной программе... Знал бы ты, Даник, сколько я сил в своё время положил на то, чтобы выйти на такой уровень...

– Ты раньше об этом никогда не рассказывал.

– А зачем тебе было знать обо всём? Даже Глен мало что знал, – Бот недоверчиво косится в мою сторону. – Я прекрасно понимал, что складывают все яйца в одну корзину только полные лохи. А вы с Гленом каждый своим делом зани-

мались. Ты – немного наркотой, немного оружием, дилеров контролировал, а Глен – моя служба безопасности. Я вам ничего и не рассказывал, и даже если бы рассказал, что это изменило бы? Ведь всё строится на личных и даже родственных связях.

– Родственных?

– Да, и на родственных. А ты думал, небось, что я бухты-барахты на золотую жилу попал? Но это долгая история. Хотя у нас тут с тобой теперь времени выше крыши, расскажу как-нибудь... И раскручивается всё не на уровне какого-нибудь банального директора почтового ящика, где клепают пушки да снаряды, а на более высоких уровнях – в управлениях и министерствах, где бумажки подписывают. С наркотой-то проще, там баш на баш: деньги-товар, товар-деньги, да и публика более примитивная. А тут – высший пилотаж... Кстати, поэтому никакому Глену меня никогда не заменить. Решится же сам в этот гадюшник полезть, так с ним при очередном заказе никто и говорить не станет. Ни поставщики, ни заказчики. Не та он фигура, не того калибра. А уж если кто-то и захочет поговорить, то это окажутся ребятишки из ФСБ или Интерпола...

– Если ему удастся проскочить мимо нашего израильского ШАБАКа, – подсказываю с улыбкой.

– Это уже его проблемы, если он и в самом деле что-то задумает, – согласно кивает головой Бот. – Да мне его и не жалко. Большой мальчик – сам докумекает, что к чему. Я те-

перь ему уже ничем не смогу помочь. Единственное... – он неожиданно громко смеётся, и эхо от его хохота разносится повсюду. – Могу лишь встретить здесь с распростёртыми объятиями. Шашлыков, коньячка и девочек не гарантирую, зато и прятаться тут ни от кого не надо. Лежи себе на травке, размышляй о вечном. Тоска зелёная, но никуда не денешься...

Оглядываюсь по сторонам, однако ничего интересного так и не вижу. Со всех сторон до самого горизонта зелёное поле, и по нему по-прежнему бесцельно бродят какие-то странные личности.

– И так будет до скончания веков? – невесело интересуюсь и втайне радуюсь, что профессор Гольдберг совсем уже скоро вернёт меня к нормальной жизни, где нет такой утомительной тишины и покоя, и пускай очередные боты и глени носятся со своими пушками и пистолетами, мы же всеми правдами и неправдами поможем им переселиться сюда. Но это всё равно будет жизнью, а не здешним прозябанием, какой бы суматошной и бестолковой она ни складывалась.

– Почему? – удивляется Бот моей недогадливости. – Тут всё несколько сложнее. Взять тебя, например. Всё, что тебя окружает, создано лишь твоим воображением. С самого начала ты оказываешься там, где тебе больше всего хотелось оказаться в твой последний миг. А уж потом начинаешь путешествовать туда, куда фантазия потащит. Вероятно, тебе захотелось просто отдохнуть на таком идиллическом поле,

или ты всегда представлял нечто подобное, ожидающее тебя в загробном мире.

Задумываюсь и вдруг припоминаю, что самым сокровенным моим желанием последнее время было поваляться на зелёной лужайке среди одуванчиков. Особенно здесь, в Израиле, где о такой роскоши остаётся разве что вспоминать и мечтать.

— И у тебя такая же мечта была? — удивлённо спрашиваю Бота, забывая на мгновение, с кем разговариваю и для чего я вообще тут оказался.

— У меня? Нет, — Бот хмыкает, и глаза у него неожиданно загораются недобрым блеском. — Мне больше всего хотелось поприсутствовать при последнем издыхании парочки заклятых врагов, которым в своё время удалось обвести меня вокруг пальца. К сожалению, мечта так и не исполнилась, потому что они всё ещё там. Но дождусь, уже здесь их дождусь, а там посмотрим... Вообще-то, мне тоже хотелось отдохнуть среди одуванчиков. Как видишь, иногда посмертные желания совпадают.

— И кто же эти твои заклятые враги? Я их знаю?

— Нет, — отмахивается Бот, — эти люди не имели никакого отношения к тем вещам, которыми занимались вы с Гленом. Это совсем из другой оперы. Они препятствовали тому делу, к которому я потихоньку подступал.

— И что же это за дело?

— Была у меня, понимаешь ли, одна задумка, которой я со-

бирался заняться после того, как прикрою оружейный бизнес.

– Ты хотел прикрывать свою контору?! – тут уже изумляюсь окончательно. – Резать курицу, которая несёт золотые яйца? Да ты в своём уме?

– Думаешь, я не догадывался, что всё рано или поздно закончится так, как оно, в итоге, и произошло? Я-то хотел ещё немного потянуть, провернуть пару-тройку крупных сделок и красиво уйти, ведь у меня зрела более грандиозная идея, нежели подпольная торговля оружием, и на осуществление этой идеи требовались очень большие деньги, и они у меня уже были.

– Что же это за гениальная идея, которая может затмить успешную торговлю наркотой и оружием? Даже представить не могу.

Бот свысока смотрит на меня, видимо, прикидывая, стоит ли делиться своими нереализованными наполеоновскими планами с разной мелюзгой вроде меня, потом, оглянувшись, говорит негромко, словно опасается, что даже здесь, где можно уже совершенно ничего не опасаться, кто-то подслушает:

– Это вовсе не торговля, а создание новых видов оружия! Таких, каких ещё в природе не существовало...

И тут меня невольно начинает разбирать смех:

– Всё мог предположить, но это! Димон Баташов – наш страшный и ужасный Бот! – покусится на лавры Калашни-

кова!

– Почему Калашникова? – Бот смотрит на меня пристально и серьёзно, и в глазах его больше нет ни капли веселья. – Мелко плаваешь. На лавры самого Николы Теслы! Слышал когда-нибудь про такого?

Если бы мы находились по ту сторону смерти, я, конечно, решил бы, что у Бота крыша поехала, настолько фантастическую вещь он мне выдал. Кто же не знает великого изобретателя Теслу? Про него в последнее время много разных научно-популярных передач и даже фильмов показывают. Какой-то интерес у публики они, безусловно, вызывают. Но только интерес, не более. Навскидку помню, что личностью он был загадочной и спорной, вокруг него до сих пор ходит много легенд и всевозможных фантазий. Кажется, Тесла даже оставил несколько книжек, в которых описал свои опыты, и повторить их никому пока не удалось. Вероятно, там что-то сказано и о новых видах оружия... Но почему идеи ученого-мечтателя покорили Бота – человека приземлённого и расчётливого, который копеечку на ветер не выбросит и ни в какие авантюры даже с минимальной долей риска не полезет? Книжек, что ли, начитался и фильмов насмотрелся? Нет, что-то здесь не так.

– И что это за такое волшебное оружие, которого ни у кого пока нет?

Бот ещё раз оглядывает меня, видимо, пока не решив, стоит ли распинаться перед таким скептиком, как я, однако всё

же выдаёт:

– Я бы никогда этим и не заинтересовался – где я, а где Тесла? – но попался мне случайно на глаза один человечек, большой спец в оружейных вопросах. Не доверять ему было невозможно. Работал, кстати, в бюро у того же Калашникова, но настолько задолбал всех своими бесконечными проектами, что старику, в конце концов, надоел хуже горькой редьки, и он его выпер. Человек остался безработным, и тут я его подхватил. Для моего бизнеса он никакого интереса не представлял, но я прикинул, что далеко от себя отпускать человечка не стоит: мало ли для чего он мог пригодиться. Вот и кормил его почти три года, ничего взамен не требуя, а он в благодарность за то, что не дал с голода помереть, выдал идею про Теслу. А уж покупатели на новые виды оружия у меня нашлись бы. Связи да знакомства чудеса творят.

– У этого твоего мужичка, наверное, был выход на какие-то неизвестные изобретения Теслы?

– Нет. Но у него было другое. Чутьё и умение анализировать существующую информацию, а кроме того, сопоставлять разные вещи между собой. Мне же оставалось только найти секретные архивы Теслы. Ну, я и загорелся этой идеей. Чем чёрт, в конце концов, не шутит?

Слушаю Бота и не перестаю удивляться. Я его всегда знал как напористого, грубоватого братка, который жёстко и без лишних раздумий разруливал любые проблемы. Даже в том, что он умеет применять такие обороты речи, как сейчас, я бы

его прежде ни за что не заподозрил. А сегодня... Чувствовалось, парень он дальновидный, если сумел разглядеть в каком-то затурканном мужичке-изобретателе потенциал на будущее, а уж интерес к наследию таинственного Николя Теслы – это вообще для такого сорта публики, как Бот, что-то воистину запредельное. Если говорить честно, то и для меня тоже.

– Короче, – продолжает Бот, – выдал он мне свою главную мечту жизни по поводу архивов, и я, как ни странно, запал на неё. Тут уже пахло не просто огромными деньгами, а таким положением в мире, при котором даже деньги уже не понадобились бы. Всё, что хочешь, – всё твоё. Правда, сперва нужно очень сильно постараться.

– Оп-па! – не выдерживаю, всё еще не доверяя его рассказу, и смеюсь уже в полный голос, так же, как Бот всего пять минут назад. – Начинается пересказ комиксов про Бэтмена или Супермена! Завладеть миром с помощью секретов, вытянутых из неизвестных архивов... Ну-ну, с удовольствием послушаю сказочку.

– Дурак ты, Даник! – обижается Бот. – А я-то считал тебя не таким, как Глен...

– Ладно, проехали, – осторожно срываю одуванчик, дую на него и слежу за полётом пушинок. – Я всё понимаю, кроме одной вещи: каким образом твой изобретатель получил бы доступ к секретам Теслы, если никому другому этого пока не удалось? Идея, может, и хорошая, но реально ли её во-

плотить в жизнь?

— А вот здесь как раз начинается самое интересное. В той жизни, — Бот неопределённо машет рукой куда-то в сторону, — я бы тебе ни за что этого не рассказал, а сегодня можно. Всё равно поезд ушёл, и назад не вернёшь... У вас в Израиле есть один профессор, который разработал способ вводить человека в состояние глубокого транса и переправлять на какое-то время в загробный мир, то есть сюда, где можно пообщаться с душами умерших, выяснить у них что-нибудь важное и потом вернуться обратно. Вот мне и захотелось разыскать Теслу... А раз уж я сподобился попасть сюда даже без помощи этого профессора, мне и карты в руки...

Определённо Бот намекал на профессора Гольдберга. Только откуда он про него знает? Неужели у этого отмороженного бандита с уважаемым учёным могли быть какие-то контакты?

— ...а в перспективе, нет ничего невозможного и самому вернуться в мир живых! Есть у меня кое-какие намётки. То есть, мой проект с изобретениями Теслы рановато ещё прикрывать... — Бот победно поглядывает на меня, и вдруг лицо его вытягивается и бледнеет. — Эй, Даник, что с тобой происходит? Куда ты вообще делся, брателла?!

О разговоре с Ботом, так неудачно прерванным моим возвращением в мир живых, я, естественно, профессору Гольдбергу сообщать не собираюсь. Подспудно чувствую, что ему очень не понравится то, что я узнал от покойного торговца наркотой и оружием. Более того, Гольдберг может отнестись ко мне враждебно, если от меня пойдёт слухок о том, что между ними и в самом деле были какие-то контакты. Мне же этого ой как сейчас не хочется, ведь я, между прочим, всё ещё полутруп и полностью нахожусь в его руках. Пока не пройду курс реабилитации и не встану с кровати, лучше профессора не дразнить.

После записи на камеру ответов на вопросы полицейского начальства меня оставили в покое. Профессор Гольдберг некоторое время покрутился вокруг меня, раздал указания медсёстрам и врачам и благополучно удалился.

Видно, ничего пока не заподозрил. Но теперь, наверное, следует относиться к нему всё-таки осторожней. Теоретически он мог и в самом деле выходить на контакт с Ботом и ему подобными, коли разработал такую интересную методику, о которой никто из нормальной публики до последнего времени не ведал, а вот бандиты сразу оказались в курсе и теперь строят какие-то планы расширения своего кровавого бизнеса. Не представляю, насколько этот занимательный факт мо-

жет быть интересен полиции или каким-то спецслужбам, занимающимся наркоторговцами и торговцами оружием. А если ещё выяснится, что Бот каким-то образом уже умудрился добраться до профессора, находясь на том свете, или ещё только собирается, чтобы заразить его своими бредовыми идеями о новых способах обогащения, думаю, отношение ко всем этим медицинским опытам диаметрально изменится. Профессору просто запретят проводить подобные эксперименты. Правда, и мы лишимся возможности контактировать с потусторонним миром. Но как-нибудь, полагаю, эту беду переживём. Глен же, подельник Бота, рано или поздно всё равно наденет арестантскую робу. Такие пакостные людишки долго на свободе не ходят.

Моё возвращение к жизни оказалось настолько стремительным и неожиданным, что я не расспросил Бота ни о чём конкретном, тем не менее, даже то незначительное, что удалось узнать от него, требует некоторого осмысления. Довести информацию до начальства всегда успею, а вот удастся ли после такого откровения пообщаться с профессором ещё раз – совсем не факт.

Ни о чём ином думать сейчас не могу, хотя мне не помешало бы в первую очередь поразмышлять на более приземлённую тему: как поскорее встать на ноги. А потом? Потом посмотрим...

А вдруг у Гольдберга и в самом деле уже существует какая-то договорённость с Ботом? О чём – можно только дога-

дываться, но вряд ли в ней кроется что-то хорошее для всех нас. При любом раскладе Бот не тот человек, который ни с того ни с сего станет рассказывать байки или заниматься невинной благотворительностью.

Я уже не сомневаюсь в том, что не успокоюсь до тех пор, пока не раскопаю всё до конца. Такой уж я зануда... Всё-таки ментовская закваска! Правда, подобное любопытство выходит за круг моих непосредственных обязанностей и, по большому счёту, наказуемо, но кто же, извините, откажется сунуть нос дальше, чем допускается, если ненароком повезло прикоснуться к чужой, тщательно скрываемой тайне?

Один вопрос: как это сделать? Предположим, вытащу на разговор Гольдберга и сообщу, что узнал от Бота. Как он отреагирует? Вполне может сделать вид, будто совершенно тут ни при чём, а меня просто одолевают глюки. Доказать-то ничего не могу, а Бот, ясное дело, с того света свои слова не подтвердит и не опровергнет. Да и у меня нет в руках никаких доказательств состоявшегося или ещё намечающегося контакта между ними.

С другой стороны, профессор прекрасно понимает, что, едва я отрапортую о полученной информации начальству или представителям спецслужб, он погорел. Тамошним ребятам не понадобятся доказательства, они просто возьмут Гольдберга в разработку и обязательно что-нибудь выколотят. Не сомневаюсь, что его контакты с представителями преступного мира, если таковые были, где-то непременно за-

светились, и не только на том свете, но и на этом. Ушлые ребятки из весёлых организаций разыскивать концы умеют здорово. Обучены этому. Тут и к бабке не ходи...

Ничего не решив, незаметно начинаю дремать. Просто ещё довольно слаб, ведь побывать на том свете и благополучно вернуться обратно – это вам, братцы, не шуточки...

Проснувшись, обнаруживаю, что у моей кровати сидит Феликс, мой полицейский шеф и куратор на протяжении последних трёх лет. Именно благодаря его чуткому руководству, а иногда вопреки, я то и дело попадаю во всяческие переплёты, из которых он и вся доблестная израильская полиция меня героически извлекают. Встречаемся мы с Феликсом нечасто, потому что следуем как бы параллельными курсами: он трудится больше по кабинетной части, а я поставляю ему материалы для бравурных еженедельных отчётов по работе отдела. Так оно лучше всего: если мы проводим какое-то время в одном помещении, то начинаем бесить друг друга.

Каждый раз, когда я гляжу на его сытую загорелую физиономию, мне кажется, что он только что из-за стола, где было много жирной и тяжёлой пищи, и всю её он мужественно поглотил, лишь бы ни крохи не досталось врагу или сослуживцам.

Мы даже нередко подшучиваем друг над другом, и он через раз обижается: мол, никакой субординации не соблюдаешь, парень; хотя, по-видимому, не возражает против такой

манеры общения. Лишь бы не при посторонних, в присутствии которых он сразу становится нудным и педантичным, настоящим кабинетным «сухарём», от которого за версту несёт кислым конторским духом. Впрочем, начальство, наверное, и должно быть таким. Другие варианты оказываются нежизнеспособными. «Добреньких» начальников быстро выживают с высоких должностей.

– Ну, как дела? – озабоченно вопрошает Феликс. – Прочухался? У меня даже мыслишка возникала, мол, отпрыгался кузнечик, пора тебе на покой. Будешь теперь сидеть на лавочке у подъезда, газетки почитывать, новости с другими пердунами обсуждать, симпатичных девушек взглядом провожать и языком цокать... Ещё бы! Сутки проспал без перерыва!

– Что ты говоришь – неужели сутки?! – удивляюсь я. – Мне казалось, каких-то пару-тройку часов...

– Да ладно, бог с ним! – отмахивается Феликс и кладёт на тумбочку у кровати пакет с мандаринами и яблоками. – Зато отоспался на славу. Мне бы так, да начальство не даёт.

– Ой, зарыдаю от жалости! – смеюсь я. – Давай меняться местами и зарплатами: ты будешь бандюков пасти, а я тебе раз в неделю ценные указания по телефону выдавать и мандарины в больницу носить... Ну, что на нашем фронте нового, всё в порядке?

– Всё в порядке, ты молодец, – Феликс широко улыбается и хитро прищуривается. – Начальство велело тебя побла-

годарить и поздравить с успешным завершением операции, а кроме того, премирует недельным отдыхом в Эйлате на Красном море. Завтра тебя выпишут отсюда, сразу бери жену и катись с моих глаз. И я без тебя отдохну.

– Могли бы на недельку куда-нибудь в Испанию или Италию сослать, – ворчливо комментирую, но всё равно приятно, – а то всего лишь в Эйлат...

– За границу тебе пока нельзя, – качает головой Феликс. – Сам знаешь, по какой причине.

– Это по какой же?

– Ты пока официально числишься в розыске как асоциальная личность и приспешник Бота, физиономия твоя во всех полицейских компьютерах, а значит, пограничный контроль не пройдёшь. Всё у нас было организовано правдоподобно, как у взрослых ребят... Да, кстати! Твоего друга Глена задержали именно в том месте, на которое ты указал, но кое-кто из ваших криминальных корешей, к сожалению, ещё на свободе. Понимаешь, почему тебе пока светиться нельзя? Зачем тебя подставлять? Поживёшь некоторое время под чужой фамилией. Пластическую операцию ты же отказался делать, да?

– Да я и от собственной фамилии не собираюсь отказываться... Ну, и как мне теперь жить дальше? Я же официально погиб! Может, наступило уже время сыграть в воскресшего Лазаря? Но, повторяю в сотый раз: изменять имя, как и делать пластическую операцию, категорически отказываюсь!

– Думаю, за недельку, что ты будешь отдыхать, мы концы подчистим, тем более Глен уже заговорил, а там видно будет. Обойдёмся без лазарей. Пресс-конференцию отбommeшь, когда на ноги встанешь, и живи самим собой. Думаю, руководство сильно возражать не станет.

– Ну, спасибо, кормилец ты мой!

Пока мы непринуждённо пикируемся, напряжённо раздумываю, стоит ли сообщать Феликсу детали нашего разговора с Ботом. Филе это будет, безусловно, интересно, хотя и не по рангу. Да и никакой ответственности он на себя традиционно брать не станет, а побежит с докладом к вышестоящему начальству. А вот тогда уже всё закрутится по полной программе. Но допустят ли меня после этого к дальнейшей работе, вовсе не факт. Я уж не говорю про ту, что сразу же завертится вокруг секретного сверхоружия и изобретений Николы Теслы.

Всё-таки, наверное, пока трепаться не следует, потому что не поймёт меня Феликс. Скажет, мол, совсем парень сбрендил, побывав в загробном мире, и теперь черти ему мерещатся. Да ещё на уважаемого профессора Гольдберга, наше израильское светило и гордость мировой науки, возводит поклёп со слов уничтоженного бандита!

– Вижу, тебя что-то беспокоит? – Феликс внимательно разглядывает меня и даже грозит пальчиком. – Давай, колись, что стряслось? Хотя я и не католический пастор, но исповедую по полной программе.

– Ничего особенного, – вздыхаю и жалуясь на всякий случай, – просто я ещё не совсем в себя пришёл. Голова отваливается...

– Ну, как знаешь, – Феликс встаёт и вытаскивает из кармана конверт. – Тут адрес отеля в Эйлате и оплаченная квитанция на недельный люкс. Себе бы заграбастал, да начальство меня не поймет. Если что-то ещё понадобится, звони... Кстати, хотел тебя спросить: как там, на том свете? Интересно же знать!

Ещё пять минут рассказываю про одуванчиковое поле и людей, бессмысленно слоняющихся по нему. Но Феликс слушает невнимательно, видно, ожидал каких-то мистических страстей-мордастей, а я ему про цветочки.

– Медсестра! – зову после его ухода, и тут же в палату вбегает молоденькая девчушка в очень коротком белом халатике. – Мне бы встать и сигаретку выкурить, а?

– Вам нельзя, – улыбается она. – Вы же вон в каком состоянии...

– Давай-давай, – настаиваю, – пациент уже здоров, как бык!

– О, так вы, наверное, из России! – смеётся она в полный голос.

– Почему ты так решила? Акцент выдаёт?

– И акцент тоже. Да и местные пациенты никогда не признаются, что они, как эти... быки!

– Ладно тебе. Добудь где-нибудь сигаретку...

Медсестра воровато оглядывается на дверь и достаёт из кармана пачку «Мальборо»:

– Только вы меня не выдавайте, – тихо говорит по-русски. – Как соотечественнику откажешь?!

В Эйлат мы выезжаем ранним утром по холодку. Если это можно назвать холодком – температура под тридцать градусов, но хоть солнце ещё не стоит в зените. В открытое окошко машины врывается ветерок, и можно пока не включать кондиционер.

Жена поглядывает на меня с интересом, будто давно не видела. Наконец, спрашивает:

– Ну, как там, расскажи. Интересно же!

– Где там? – чуть не заикаюсь, а про себя поливаю Феликса и прочую публику, которые грозились всё держать в строгой тайне и наверняка где-то прокололись. Впрочем, кто мою жену обманет, тот и года не проживёт.

– Ну, в России, – подсказывает моя боевая подруга. – Ты же туда ездил в командировку? Я звонила Феликсу, и он мне доложил.

– В России? В России всё нормально, – облегчённо вздыхаю, – хлеб жуют, песни поют, капитализм строят...

– А что ты там делал?

– Разве Феликс не сказал? Бандитов ловил, как обычно.

– Неужели на нашей старой родине своих ментов не хватает? Ты их ловил, когда мы там жили, и теперь, когда мы уже здесь живём, твои бывшие коллеги по-прежнему без твоей помощи обойтись не могут? Может, тебе уезжать не следо-

вало? Ловил бы по месту проживания.

– На риторические вопросы хочешь услышать риторические ответы?

– Не хочу, – жена отворачивается и смотрит в окно на пролетающие километровые столбы. – Только мне совсем не нравятся эти твои поездки. Всё-таки тебе уже не двадцать лет, чай, не мальчик. Нашёл бы себе работу спокойней, душа бы у меня не болела. Вон люди в любом возрасте осваивают новые профессии и живут себе припеваючи...

– Да не умею я, родная, ничего другого! Могу лишь вернуться на метёлку и совок, чтобы улицы убирать, как было в самом начале. Тебя это устроило бы?

– Нет.

– А до пенсии мне ещё, сама знаешь, будь здоров сколько. Так что половим пока бандитов...

В голове по-прежнему мысли про Бота и профессора Гольдберга. Да ещё про великого изобретателя Теслу. Эх, не вовремя подвернулась поездка в Эйлат! Сидел бы я дома всю эту неделю, может, нарыл бы что-то. В том же интернете покопался бы и почитал про выдающегося учёного. Ну, и про оружие, которого ещё нет, но которым так жаждет завладеть покойный Баташов даже под могильной плитой. Если есть дым, значит, где-то должен быть и огонь.

Мы и не заметили, как постепенно исчезли обступавшие шоссе справа и слева каменистые пустынные просторы Негева, потом дорогу втянули в себя коричневые горы, и уже

за ними выплыли из жёлто-голубого колышущегося марева первые белые дома приморского Эйлата. Красного моря пока не видно, но скоро и оно выглянет из-под горизонта. Жена, которая почти всю дорогу дремала в кресле рядом, потягивается и одним глазом косится на часы:

– Ого, быстро же мы доехали! Ещё на обед в отель успеем...

На заправке у въезда в город останавливаемся, и я отправляюсь под навес позади здания выкурить сигарету.

– Тихо здесь, хорошо, не то что в городе, – говорит жена, когда возвращаюсь. – Давай постоим ещё минут десять, а потом поедем.

И тут, как назло, у меня в кармане начинает трещать телефон. Номер незнакомый, наверняка какая-то надоедливая реклама.

– Даниэль, здравствуйте, – трубит хорошо поставленный мужской баритон, – мы с вами пока не знакомы, но нам нужно встретиться.

– Не понял!.. – сразу встаю на дыбы. – Почему я должен с кем-то встречаться? Вы, рекламщики, совсем обнаглели! Мало того, что звоните в самое неподходящее время, так ещё встречайся с вами...

– Это не реклама, – перебивает меня голос, – это очень важный вопрос, от которого многое зависит. В том числе и для вас.

– Уважаемый, – свирепею ещё больше, – если для меня

что-то от кого-то и зависит, то, уверяю на сто процентов, в этом вашей заслуги нет!

– Напрасно так думаете. Существует немало способов уговорить одного джентльмена встретиться с другим. Но не будем о грустном. Согласитесь, шантаж не самое лучшее средство убедить человека обратить на себя внимание, – голос звучит уверенно и нагло, поэтому у меня сразу возникает желание вырвать телефон и не отвечать больше ни на какие звонки. Но мой собеседник словно читает мысли: – Только не выключайте телефон, выслушайте меня до конца.

– Кто вы?

– Меня попросил встретиться с вами профессор Гольдберг. Вы его ещё не забыли?

Признаться честно, нечто подобное я предполагал. Наверное, было какое-то предчувствие, что после загробного общения с Ботом мои приключения не могут закончиться банальной выпиской из медицинского центра. Запись впечатлений на камеру для начальства, поездка на заслуженный отдых в Эйлат, а потом... а потом скучное сидение в управлении, пока не подвернётся какое-нибудь новое приключение, в которое воткнуть некого, кроме меня. Может, в душе я и рад был бы всё забыть, как кошмарный сон, но... зачем же врать самому себе? Если уж ты игрок по натуре, то играй...

– У нас с профессором была возможность обсудить всё, что нужно, ещё в больнице. Он заходил ко мне в палату, и не раз. Что ему тогда помешало?

– Наверное, там ему не хотелось о чём-то говорить при свидетелях, – голос становится чуть мягче. – Короче. Сегодня вечером жду вас в эйлатском дельфинарии. Знаете, где он находится?.. Скажем, часиков в шесть. Хорошо?

– Хорошо. Буду... И всё-таки... что профессору от меня понадобилось?

– Позже узнаете.

Время летит незаметно. В Эйлате днём жарко настолько, что на пляже можно сидеть в совсем уже отмороженном состоянии, но я мужественно выдерживаю этот ад в шезлонге под тентом, притом задача у меня предельно простая, но коварная. Вечером, когда я предложу жене отправиться в дельфинарий, она непременно заявит, что перегрелась на солнце и хочет побыть в гостиничном номере под живительным кондиционером, откуда её танком не сдвинешь до самого утра. И цели своей я, кажется, добился. Скажу честно, я и сам бы никуда из номера не вылезал, если бы не обещание и не подлое любопытство...

От отеля, в котором мы поселились, до дельфинария на машине минут пятнадцать езды, но за то короткое время, что я ехал вдоль береговой полосы и мельком поглядывал на пустые пляжи слева и невысокие горы справа, моё прежде радужное настроение заметно ухудшилось. Может, я поступаю неосмотрительно, не сообщив Феликсу о том, что у меня намечается совершенно непонятный разговор с профессором

Гольдбергом? В принципе, это может быть и какая-то частная беседа, но очень уж не верится в то, что я мог заинтересовать медицинское светило чем-то не связанным с моим посещением того света. А вероятней всего, на предстоящей встрече самого профессора не будет, явится кто-то другой и будет вещать от его имени. Ох, не нравится мне всё это! Чем больше раздумываю, тем подозрительней кажется эта затея.

Впрочем, ещё не поздно позвонить Феликсу и всё рассказать, уж он-то поймёт меня с полуслова. Но... подождём. Всё-таки остаётся вероятность, что речь пойдёт о какой-нибудь ерунде, из-за которой шум поднимать не стоит, а выглядеть трусом и перестраховщиком в глазах коллег как-то не хочется. По прежнему опыту знаю, насколько это иногда может быть чревато. Но и за безрассудное геройство никто не похвалит. Дилемма, блин...

На стоянке перед дельфинарием машин почти нет. В Эйлате темнеет рано, поэтому публика предпочитает под вечер не ходить по экскурсиям, а сидеть в городских кафе и ресторанчиках, где всегда весело и играет музыка.

Немного побродив по залам и традиционно полюбовавшись на своих любимых акул, я приземляюсь в кафе, где заказываю большую плошку шоколадного мороженого и чашечку кофе. Если кому-то я нужен, то найдут и здесь.

И в самом деле, спустя несколько минут у моего столика материализуется невысокий черноволосый парень в аккуратной белой рубашке. В таких очень любят рассекать кон-

торские клерки. На носу у незнакомца тёмные дорогие очки, на плече – небольшая кожаная сумка.

– Здравствуйте, Даниэль, – голос у него мягкий, но уверенный. – Это я вас приглашал на встречу. Присяду?

Молча киваю и краем глаза осматриваюсь вокруг. Никого. Очевидно, парень пришёл на встречу один, а профессора Гольдберга приплёл для убедительности. Знал ведь, что при ином раскладе я и слушать его не стану. Встать, что ли, и уйти – наказать вруна?

– Не беспокойтесь, со мной никого нет, – усмехается мой собеседник. – Да и кого нам тут опасаться? Самое страшное здесь – это акулы, да и те за стеклом.

– Давайте ближе к делу, – отрубая нетерпеливо, – оставим акул. Ни их, ни вас я не опасаясь. А вот то, что вы меня обманули, сославшись на профессора, некрасиво.

– Я вас не обманул, – парень морщит нос, но через мгновение снова улыбается. – Я здесь по его просьбе.

– Что хочет от меня профессор? Почему его самого нет? И совсем уже неприятный вопрос: почему я должен верить, что вы говорите от его имени?

Не обращая внимания на моё раздражение, парень подзывает скучающую девочку-официантку и тоже заказывает кофе, потом подсаживается ко мне поближе и аккуратно ставит сумку на стул рядом.

– Не всё сразу, – по-прежнему скалится он в ослепительной улыбке и вытаскивает сигареты.

– У нас не курят, – предупреждает официантка, водружая на стол заказанный кофе. – Хотя... сегодня начальства нет, и посетителей, наверное, уже не будет, так что курите, только приоткройте окно.

– Так вот, – продолжает парень, помешивая ложечкой кофе, – в действительности я здесь не совсем по поручению профессора Гольдберга. Он такой же исполнитель, как и вы...

– Я исполнитель? – безапелляционный тон собеседника раздражает меня всё больше. – Вы ничего не путаете, уважаемый? Какую вы, простите, организацию представляете?

– Повторяю, не всё сразу. Мы знаем, что вы человек решительный и нетерпеливый, но далеко не глупый и рассудительный. Поэтому обратились именно к вам.

Встаю и лезу в карман за кошельком, чтобы рассчитаться за мороженое и кофе:

– Знаете, молодой человек, начало нашего разговора мне абсолютно не понравилось, поэтому лучше его не продолжать. Если бы я знал, что встречусь не с профессором, как вы обещали, а с вами, то не приезжал бы в дельфинарий. Не тратил бы время на пустяки. Поверьте, у меня его совсем немного.

– Сядьте, пожалуйста. Думаю, продолжение нашего разговора заинтересует вас больше. Организация, которую я представляю, занимается новыми технологиями...

– Организация израильская? – перебиваю его.

– Почему это для вас так важно? Патриотизм местечковый? – парень даже ухмыляется. – Но охотно отвечу: не совсем израильская. Скорее, международная... Нашу организацию интересуют всевозможные изобретения и секреты в сфере создания новых технологий и вооружения. В частности, нереализованные разработки великого изобретателя Николы Теслы. Слышали это имя?

«Вот тебе и раз, – проносится в моей голове, – о Тесле уже второй раз заходит разговор за последнее время. Только сначала мне сообщил о нём Бот на том свете, а теперь этот непонятный парень в дельфинарии. Неспроста это, ох, неспроста! Жаль, что я перед отъездом сюда не успел покопаться в интернете, чтобы хоть что-то узнать об этом загадочном сербе».

И опять целая куча вопросов наваливается на мою бедную голову. Есть ли какая-то связь между незнакомцем и Ботом? И почему все они вещают о профессоре Гольдберге так, будто каждому из них он лучший друг? Интерес Бота в принципе объясним, да он и сам обо всём рассказал мне, но неужели и этот юркий парень с его конторой тоже озабочены поисками секретов Теслы? Честное слово, всю эту возню можно было бы расценить как глупый розыгрыш, если бы всё не выглядело так зловеще и опасно. И хоть никакой реальной опасности пока нет, но каким-то душком уже повеяло. Нюх меня не обманывает.

– Предполагаю ход ваших мыслей, – снова усмехается

незнакомец, внимательно изучая выражение моего лица. – Вы пытаетесь просчитать меня и теперь хотите выяснить, почему я пришёл на переговоры именно к вам? И в чём суть моих предложений, а именно их вы и ждёте, ведь так?

Некоторое время размышляю, потом спрашиваю:

– Вы уверены, что я именно тот человек, который вам нужен?

– Абсолютно. Вы же понимаете, точность – вежливость королей. Притом точность не только во времени, но и в выборе.

– Королей? Ну, да... Хорошо. Предположим, я согласен выслушать вас. Но, чтобы у вас не возникало иллюзий, сразу открою карты. Да, я участвовал в эксперименте профессора Гольдберга по искусственному введению человека в глубокий транс и последующему возврату оттуда. Это пока не особенно афишируется в прессе, но уже не секрет. На днях состоится пресс-конференция, где обо всём будет подробно рассказано. Что вы хотите узнать от меня? Всё, что можно сообщить, будет сообщено там. Сразу скажу: никакой специфической информации вы от меня не получите, и не потому что я что-то хочу скрыть, а потому что моя роль во всей этой истории невелика. Я всего лишь подопытный кролик, не более. А вы сразу замахиваетесь: новые технологии, какое-то секретное оружие... Не по адресу обращаетесь! Так о чём вы ещё собираетесь со мной говорить?

– Ого, какие бурные эмоции! – уже откровенно посмеива-

ется надо мной парень. – Давайте всё по порядку. Профессор Гольдберг просил меня для затравки разговора преподать немного теории для дилетантов, то есть для вас. Потом поймёте, для чего это требуется.

Безапелляционный тон собеседника меня снова начинает раздражать, тем более что на учителя он никак не похож. Да я и старше наверняка вдвое. Хотя... послушаем немного. Послать-то парнишку всегда успею. А он, постукивая пальцами по столу, уже вещает, как по написанному:

– В ходе эксперимента вы находились в состоянии почти клинической смерти, когда то, что принято называть вашей душой, свободно витало между мирами. Но такая неопределённость не может продолжаться вечно, поэтому душа устремляется в загробный мир. Не станем углубляться в философские дебри и обсуждать существование мира, – или как его ещё назвать? – в котором обитают души умерших. Можете называть его раем, адом или чистилищем – как вам угодно. В нашем случае важно знать, что этот мир, эта субстанция существует и вполне реальна. На данный момент этого для нас достаточно. Там вы встретились по заданию полицейского руководства с вашим приятелем Дмитрием Баташовым, который недавно погиб в результате неудачной операции по его задержанию. Я не ошибаюсь? Однако в загробном мире вы смогли бы встретиться не только с ним, а с кем угодно, хоть с тем же самым Теслой, хоть с Леонардо да Винчи... Вам пока всё понятно?

– Допустим, понятно, хоть и не очень ясно, для чего вы это рассказываете. Какие души умерших?! Какой ад? Какой рай?

– В той субстанции не существует понятия времени, как, наверное, и понятия пространства. Это нечто совершенно иное – то, что условно принято называть в научно-популярных книжках иным измерением. Но не будем, повторяю, углубляться в математические и прочие доказательства его существования. Нам достаточно знать, что такая вещь не только существует, но и сегодня появилась возможность двухсторонней связи. Спасибо профессору Гольдбергу, который в рамках университетских исследований занялся сперва теоретическими разработками взаимного контакта между нашим миром и тем, а потом осуществил и практический переход из одного состояния в другое. Вы один из участников этого эксперимента.

– Один из участников? – удивляюсь я. – А что, есть и другие?

– Конечно, есть. Но этого в израильской полиции пока не знают, а мы, по известным причинам, не спешим делиться информацией, – парень медленно снимает тёмные очки и хитро разглядывает меня. – Вот видите, как я откровенно делюсь нашими секретами, а вы всё ещё мне не доверяете... Но дело даже не в этом. По большому счёту, нашу организацию не интересуют глобальные проблемы жизни и смерти в масштабах человечества, философские и материальные аспекты

бытия, и мы вовсе не собираемся вторгаться в промысл Божий. Наша цель более приземлённая: мы ищем неизвестные технологии и для этого используем всевозможные способы. Метод профессора Гольдберга – один из инструментов, с помощью которого мы реализуем наши планы.

– Ну, здесь-то вам от меня мало пользы, – улыбаюсь в ответ, всё ещё не догадываясь, что от меня в итоге понадобится, – в проекте профессора Гольдберга, повторяю, я был лишь болванчиком, которому не сообщали никаких подробностей и секретов, так что...

– А нас и не интересуют секреты Гольдберга! Нас интересуют секреты Николы Теслы.

«Дурачит он меня, что ли?» – проносится в голове, и я смеюсь уже в полный голос, как он минуту назад:

– Тут я вам тоже ничем помочь не могу! С этим господином мы не только не знакомы, но, извиняюсь, даже существовали в разное время. Или вы этого не подозревали?

– Неудачная шутка, – качает головой мой собеседник. – Придётся вам разъяснить всё ещё подробнее. Вы побывали там, где обитают души умерших, верно?

– Верно.

– Заметьте, ВСЕХ умерших. В том числе там душа вашего друга Бота и души ваших умерших родственников и предков. Ну, и душа Теслы. Это уже доказано.

Мой смех как рукой снимает:

– Кто это сумел доказать? Откуда вам это известно?

– Известно, можете не сомневаться. Иными словами, отправившись туда и проявив чуть больше любопытства, чем было велено начальством, вы смогли бы встретиться с кем только пожелаете... Не морщитесь, я не сумасшедший. Профессор Гольдберг подтвердит каждое моё слово. Уж, он-то для вас, надеюсь, по этой части авторитет?

Больше мне не весело, но и ответить пока нечего, а незнакомец продолжает давить:

– Теперь о том, почему мы обратились именно к вам. То есть о самом главном, к чему мы стремимся... Почему вы замолчали? Мне казалось, ваша реакция будет более бурной.

– Я пока в полном недоумении. Всё сказанное вами настолько дико и необычно, что больше похоже на глупый и предельно наглый розыгрыш, – ковыряю ложкой растаявшее мороженое, потом тоже лезу за сигаретой в карман, но не сразу попадаю, потому что рука неожиданно начинает дрожать. – Давайте по порядку. Расскажите для начала о вашей организации, чтобы я знал, с кем имею дело.

– Многие знания – многие беды... Ну, да как хотите, – парень хитро глядит на меня. – Жалеть потом не будете? Смотрите, я вас предупредил.

– Не буду! – прикуриваю сигарету и выглядываю в окно на сгущающийся сумрак над морем. – Я уже побывал на том свете, и мне ничего не страшно... О кое-каких вещах я и сам догадываюсь. Вашей организацией руководил покойный Баташов? И вы вышли на меня потому, что я общался с ним

сразу после его смерти? Угадал?

— Может, оставить вас в сладком неведении? Хотя нет... — парень некоторое время молчит, потом притворно вздыхает: — Наверное, вам всё-таки стоит знать эти вещи, чтобы потом меньше вопросов возникало. Баташов, говорите? Ну, да... Вашему Баташову всегда казалось, что он создал и успешно руководит большой криминальной сетью по торговле наркотиками и оружием. Прямо-таки транснациональной корпорацией! А он был всего лишь послушным исполнителем и даже не самым крупным звеном в этом бизнесе, и им фактически управляли мы, не особенно сие афишируя. Он о том и не подозревал. В нужный момент наши люди всегда оказывались рядом и подсказывали, как лучше поступить, с кем вести переговоры, с кем дружить и с кем воевать. Мы и о вас узнали ещё в те весёлые денёчки его успешного старта. Мы знали, кто вы, и с самого вашего первого появления в окружении Баташова следили за работой полицейского агента под прикрытием. Нам, по большому счёту, даже баташовские деньги были не особенно нужны, потому что, во-первых, они для нас не самоцель, а средство приобретения влияния в мировом масштабе, чего Баташов, конечно же, никогда не понял бы. Во-вторых, все его счета и так находились под нашим контролем. В любой момент мы могли поменять владельца этих счетов... А ваш Бот в конце концов наивно возомнил себя чуть ли не крёстным отцом новоявленной мафии, доном Карлеоне местного разлива. Такое, естественно,

никому уже не понравится, поэтому пришлось его аккуратно слить. Притом мы решили, что лучше это сделать вашими руками и здесь, в Израиле, так как в России или в какой-нибудь другой стране он вполне смог бы откупиться или нанять местных адвокатов, которые вытащили бы его из-за решётки. Думаете, это была ваша идея заманить Баташова в Израиль? Вы сами-то верите в то, что он так спокойно взял и послушался вашего совета? А здесь, как мы и предполагали, всё произошло жёстко и без вариантов. Даже задержать его живым не удалось, что для нас оказалось совсем замечательно...

– Вы хотите сказать, что наши спецслужбы работали по вашей наводке, и вы всё так грамотно и чётко рассчитали от первого до последнего шага?

– Конечно. Кое-какие материалы на Бота у спецслужб были и без нас, но они разрабатывали бы его ещё сто лет, если бы мы не подбросили несколько убойных фактов, после которых его потребовалось брать незамедлительно.

– А вдруг он не разбился бы в машине, и его взяли бы живым?

– И такое могло произойти, но что он мог рассказать вашим спецслужбам? К тому же, мы постарались исключить любую нештатную ситуацию. Думаете, автомобиль, захваченный им на дороге, когда он уходил от погони, оказался с подпорченными тормозами случайно? В нём находился наш человек, который следил за операцией по задержанию и во-

время подsunул своё неисправное корыто убегающему Боту...

– Ничего себе! – изумляюсь я. – Если всё это правда, то вы и в самом деле крутые перцы. У вас, что, и с нашими спецслужбами контакты есть?

– Этого я не знаю, да и вам не советую интересоваться. Целее будете... Впрочем, хватит про вашего Бота. Это уже отработанный материал. Давайте поговорим о том, для чего я, собственно говоря, прибыл сюда побеседовать с вами. Весь наш предыдущий разговор был всего лишь долгой прелюдией...

Почти час мы беседуем в кафе, но, когда в зал вдруг вваливается группа молодёжи, нам приходится ретироваться. Тем более что скоро Дельфинарий закрывается, и мы выходим на автостоянку.

– Мы с вами так и не познакомились, – говорю своему собеседнику на прощанье. – Как к вам обращаться? И как я могу с вами связаться?

– Вряд ли мы когда-то ещё увидимся, – безразлично отвечает он. – Всё, что нужно было вам передать, я передал. А моё имя... да какая вам разница? Я такой же простой исполнитель, как и многие другие. Если с вами потребуется связаться, это могу быть я или кто-то другой. Главное, что вы уяснили суть разговора. Остальное несущественно...

Он ловко прыгает в белую «тойоту» и быстро укатывает по направлению к городу, а я некоторое время гляжу ему вслед, потом тоже забираюсь в свою машину, но завожу двигатель не сразу. Долго, пока на небе не начинают в полную силу сиять звёзды, сижу за рулём, курю одну сигарету за другой и пытаюсь переварить всё услышанное за этот совершенно фантастический и безумный час нашего общения.

А картина складывается и в самом деле абсолютно невероятная. Выяснилось, что опыты профессора Гольдберга с введением пациента в состояние глубокого транса проводи-

лись и ранее, то есть я был далеко не Юрием Гагариным в этой области. До меня уже перемещали людей в мир иной и возвращали оттуда. Уж, не знаю, была ли какая-то информация об экспериментах у моего полицейского начальства, но и ежу ясно, что удовольствие это недешёвое, и, если уж кто-то брался финансировать изыскания Гольдберга, значит, они того стоили. А тут и мы каким-то боком вписались со своим банальным выяснением у покойного Бота адреса хазы, на которой скрывался его поделщик. Нам-то казалось, что мы осчастливили профессора своим августейшим участием в эксперименте, а выходило, что у людей, которые по-настоящему вкладывали или только собираются вложить в него деньги, задачи куда более обширные. Такие, какие нам и не снились. Но и мы пришли к двору со своими полицейскими заморочками. Дополнительная статистика и опыт. Да и пиар для будущих явных и неявных потребителей подобного товара.

Организацию, которую представлял мой сегодняшний собеседник, интересовала вовсе не новизна эксперимента, а возможность его практического использования. Ясное дело, Гольдберг мог быть вовсе не в курсе далеко идущих планов этой полукриминальной публики. Не только Бот, но и сам профессор стали лишь инструментами, с помощью которых осуществлялась связь с душами умерших. Поставить на поток «отправку» гонцов на тот свет для получения какой-то информации и доставки её в наш мир, — именно для это-

го всё и затевалось. Большого от профессора, вероятно, не требовалось, хотя что-то, наверное, он и знал из сверхзадач этой секретной корпорации. Всё покупается сегодня за деньги. Вот и Гольдберга купили.

Но какие тайны из прошлого заинтересовали их в первую очередь? Вот здесь-то и всплывало имя великого сербского гения и изобретателя Николы Теслы. И хоть он умер больше семидесяти лет назад, секреты, унесённые им в могилу, по сей день никем из учёных не разгаданы. Потомкам осталось немного – научные статьи и воспоминания, которые почти не проливают свет на некоторые из его экспериментов, а туманные упоминания о них только усиливают интерес. И ведь он писал об этих вещах, до сегодняшнего дня считающихся фантастикой, как о вполне состоявшихся открытиях. Даже фэбээровцы, изучавшие содержимое личного сейфа после смерти учёного, ничего не нашли...

Всё это поведал мне мой собеседник, однако никаких деталей объяснить не смог, так как сам не технарь и тонкостей не знает. Я заметил в ответ, что тоже не технарь, так что помощи от меня будет мало. Но многого от меня и не требовалось. Нужно всего лишь снова отправиться на тот свет и разыскать душу Николы Теслы, установить контакт, а уж последующий диалог с ним будут вести профессионалы. Только и всего. Почему для столь ответственной миссии выбран именно я, профессор Гольдберг объяснит в личной беседе.

– А захочет ли Тесла вести диалог с кем-то в загробном

мире, если и при жизни был не шибко разговорчив? – не могу удержаться от вопроса.

– Захочет! – смеётся незнакомец. – У нас для него есть такая приманка, против которой не устоять.

– Какая?

– Не много ли вопросов для первого раза? – он явно торопится и лишь сообщает напоследок: – Кстати, та же завлекалочка предложена и вашему Боту за помощь в поисках. Он там наверняка уже со всеми перезнакомился. Так что ваш приятель наверняка уже закусил удила и разыскивает Теслу. Как вам помощник, годится? Вам же предстоит только обговорить детали с изобретателем и вернуться с положительным результатом...

– Значит, и Бот в курсе этих дел?! Мне он ничего не говорил...

– Когда вы были там, он и сам ничего не знал. Но сразу следом за вами отправили другого гонца, который провёл с Баташовым разъяснительную работу. Процесс запущен.

– И Бот согласился?

– А куда ему деваться? Вариантов-то нет... Впрочем, детали узнаете позже, а мне надо ехать. С вами свяжутся. Вероятней всего, сам профессор Гольдберг... Начальству я передам, что ваше принципиальное согласие получено.

– Я ничего никому не обещал!

– Ничего подобного! Вы прекрасно понимаете, что узнали сейчас от меня такие вещи, знать которые постороннему не

следует. И к тому же небезопасно. Так что у вас тоже нет выбора. Как и у вашего приятеля Бота...

В отель возвращаюсь в глубокой задумчивости. Вчера всё, что я делал, казалось мне обыкновенной полицейской операцией, пусть рискованной, с элементами экстрима, обеспеченного развитием современной науки и медицины. Но сегодня чувствую, что попал в какую-то совершенно абсурдную и неправдоподобную ситуацию. Если меня завтра попросят пообщаться с какими-нибудь ангелами или чертями, то удивляться будет, честное слово, нечему. Сделали сказку былью на свою голову...

Жена уже спит, поэтому осторожно подхватываю ноутбук и отправляюсь в лобби отеля, где свободный вай-фай, чтобы поискать в интернете что-нибудь о Тесле. Как и ожидалось, материалов множество, и я даже принимаюсь читать что-то, но каждый раз, натываясь на мудрёные физические термины, чувствую, что в мозгах у меня всё закипает и бурлит, и в итоге начинаю подозревать себя как минимум в скудоумии... И в самом деле, тут нужно быть неслабым технарём, чтобы уловить хотя бы общий смысл.

– Простите, Даниэль, к вам можно присесть? – раздаётся за моей спиной незнакомый женский голосок.

Удивлённо оглядываюсь и вижу перед собой стройную черноволосую девушку в больших очках и с модным студенческим рюкзаком за спиной:

– Мы знакомы?

– Нет, но я вас знаю заочно и хотела бы немного пообщаться с вами.

Девушка бесцеремонно усаживается в кресло напротив и бросает рюкзак под ноги.

– Откуда вы меня знаете? Я не настолько публичная личность, чтобы ко мне запросто подходили на улице...

– Во-первых, мы не на улице, а во-вторых, мне посоветовали пообщаться с вами в полиции, там, где вы работаете, – девушка деловито вытягивает из кармашка рюкзака пачку сигарет и выжидающе смотрит на меня. – У вас зажигалка далеко?

– Во-первых, в полиции не работают, а служат. А во-вторых... во-вторых, здесь курить нельзя, – недовольно ворчу и киваю на табличку на стене, однако зажигалку достаю. – И что же вам посоветовали на моей работе? Вы кто – журналистка из газеты?

– И да, и нет. У меня популярный новостной блог в интернете. А кроме того, я провожу всевозможные журналистские расследования и публикую результаты в разных СМИ.

– И что же вы собираетесь расследовать, беседа со мной? Девушка выпускает голубую струйку табачного дыма и притворно вздыхает:

– Какой-то вы, Даниэль, неправильный полицейский! Не поинтересовались моим именем, не попросили показать документы...

– А зачем? Или вы решили, что я и в самом деле собираюсь вам что-то рассказывать?

– Разве вы можете отказать женщине?

– Знаете что, милая...

– Керен, так меня зовут, – подсказывает девушка, – или, если хотите, можете звать по-русски, Кариной...

– Знаете что, Керен-Карина, у меня нет ни времени, ни желания беседовать с журналистами! – настроение у меня и без того кислое, а тут ещё эта вертлявая девица. – И интервью никому не даю. Даже если моё полицейское начальство разрешает это делать. Через несколько дней будет проводиться пресс-конференция, туда и приходите. Там всё покажут, расскажут и разложат по полочкам.

– Я специально приехала из центра страны и прождала вас здесь больше двух часов, – казалось, она сейчас заплачет. – Да ещё ночь на дворе. Что мне теперь делать?

– Вы, небось, рассчитывали, что я вас к себе приглашу? Так учтите, у меня жена в номере, а вы, простите, не в моём вкусе!

– Ни к кому я не набиваюсь. А номер себе сняла в отеле и без вашей помощи... – она встаёт и поднимает свой рюкзак с пола. – Извините, я вовсе не хотела вас обидеть. Завтра уеду...

– Да ладно уж, садитесь, – мне становится неудобно, что веду себя по-хамски. – Не обижайтесь, Карина, я просто устал, и мне сейчас не до интервью. Да и не давал я их ни-

когда раньше.

Всё ещё немного обиженная, но заметно повеселевшая Карина возвращается на своё место и снова бросает рюкзак под ноги.

– И что же моё полицейское начальство разрешило вам выпрашивать у меня? – я уже понимаю, что ни в каких секретах Теслы сегодня разобраться мне не удастся. – И почему вас отправили именно ко мне? Неужели, кроме меня, никого больше не осталось, кто мог бы рассказать о героических буднях родной израильской полиции?

– Меня мало интересуют героические будни полиции, – Карина деловито поправляет указательным пальцем очки на носу и лезет в рюкзак за блокнотом. – Меня интересует ваша... э-э... командировка на тот свет. Я правильно выразилась? Какие-то детали, наблюдения, впечатления, встречи...

– Вам и это уже известно? Никакой интриги перед пресс-конференцией...

– А в полиции эту информацию и не скрывали. Сперва, конечно, упёрлись и не хотели ни о чём рассказывать, но от меня не так легко отделаться.

– Это я уже понял... Давайте сделаем так. Составьте список вопросов, и я на них отвечу, если уж в полиции решили, что никакой тайны в моей... командировке больше нет. Но не сегодня... я очень устал...

Мне всё ещё не хочется тратить время на пустые разговоры с этой ушедшей девицей, поэтому прибавляю, захлопывая

ноутбук:

– Сейчас уже ночь, пора расходиться по своим номерам, а завтра давайте встретимся на этом самом месте после завтрака и попробуем удовлетворить ваш интерес... Да, и ещё, могу я вас попросить об одной маленькой услуге взамен на мои откровения?

– Ну, конечно! – глаза блогерши загораются, как у кошки, и она даже елозит от нетерпения в своём кресле.

– Если не трудно, поищите в интернете для меня информацию об изобретателе Николе Тесле. Меня интересует, какие секреты он утаил от человечества и унёс с собой в могилу.

– Ого! Могу спросить, чем вызван ваш интерес? – Карина глубокомысленно качает головой и делает пометку в блокноте. – Это связано с вашим следующим посещением... э-э... того света?

– Нет, не связано, – говорю поспешно, но она, кажется, не верит. – Прошу из любопытства. Так сказать, для самообразования. Поищите?

– Конечно. Только у меня встречная просьба: вы меня будете держать в курсе ваших дальнейших дел, ага?

Усмехаюсь её наглости и произвольно выдаю:

– Ну, вы и нахалка!

– Значит, договорились, – Карина забрасывает блокнот в рюкзак и встаёт. – Пойду к себе, я тоже устала. Завтра сразу после завтрака жду вас здесь. Материалы по Тесле поищу и

вопросник подготовлю... Спокойной ночи!

Некоторое время бессмысленно разглядываю выключенный ноутбук и прикидываю, стоит ли дальше терзать компьютер. Эта бойкая девица Карина наверняка лучше меня справится с интернет-раскопками, поэтому сейчас лучше отправиться спать, ведь народную мудрость – утро вечера мудренее – ещё никто не отменял.

Несмотря на то, что я изрядно устал, сразу заснуть не удастся. В голове всё время прокручивается разговор в дельфинарии, и даже вспоминаются какие-то слова Бота. Что-то подсказывает: встреча с ним была не последней. Профессор Гольдберг, видно, попал в денежную струю и, как пресловутый Харон, теперь начнёт катать на своей медицинской лодочке всех заинтересованных лиц через Лету туда-обратно. Хорошо это или нет, ещё предстоит разобраться. На мой непросвещённый взгляд, ничего хорошего в этом «таксистском» бизнесе нет, какие бы благие цели ни ставились. Нельзя так потребительски относиться к матушке-природе, а ведь она рано или поздно непременно накажет за столь вольное обращение с жизнью и смертью.

А уж мне-то участвовать в этом шабаше вообще нет никакого смысла. Интерес к этому, конечно, есть, но не более того. Короче, всеми правдами и неправдами буду отбрыкиваться от новых «командировок» в загробный мир. И без меня найдутся желающие рисковать жизнью за обещанные гряз-

ные бабки от полулегальных оружейных корпораций. Лучше продолжим традиционно ловить бандитов и прореживать их увеличивающееся поголовье...

С этой успокоительной мыслью тотчас засыпаю и открываю глаза только утром, когда солнечные лучи уже пробиваются сквозь плотные шторы на окнах.

– Чувствую, отдыхать тебе некогда, – печально констатирует моя драгоценная половина. – И здесь тебя достали с работой. Как я поняла, ругаться или отговаривать тебя бесполезно?

– Почему ты решила, что это связано с работой?

– Вчера весь вечер меня преследовала одна резвая дамочка. Тебя искала. Представилась журналисткой и говорила, что ей в полиции подсказали, где нас искать. Ты её видел?

– Видел. От неё и в самом деле не отвяжешься, она как банный лист...

– Да ладно тебе! Рад, небось, что молоденькие девушки тобой интересуются...

– Она не в моём вкусе... И вообще, супруга моя ненаглядная, о чём ты? Это сцена ревности?

– Упаси бог! Просто ты после своей последней командировки какой-то странный стал. То тебя месяцами дома не было, и вроде бы ничего особенного с тобой не происходило, а то отсутствовал всего три дня – и как будто с того света вернулся...

– Тьфу на тебя! – сплёвываю и прикидываю: неужели она

о чём-то догадывается? – Ты же знаешь, родная, что я в Россию летал, притом по стандартной программе – одна нога там, другая здесь. Бывали же у меня и раньше такие поездки!

После завтрака жена отказывается идти на пляж и отправляется в спа-салон, который находится прямо здесь, в отеле, а я уже на законных основаниях спускаюсь вниз, где меня дожидается прилипчивая блогерша Карина.

– Здравствуйте, Даниэль, – жеманно здоровается она и протягивает сложенный лист. – Вот вопросы, которые я приготовила. Но ими займёмся потом, потому что сейчас у меня есть для вас кое-что интересное. Я стала вчера перед сном просматривать материалы по Николе Тесле и сразу же в его воспоминаниях наткнулась на очень любопытные записи. Вот, посмотрите...

Она разворачивает свой ноутбук ко мне, и я читаю:

«...После умственного напряжения я начал страдать от странного появления призрачных видений, сопровождавшихся сильными световыми вспышками. Сильные вспышки света покрывали картины реальных объектов и попросту заменяли мои мысли. Эти картины предметов и сцен трудно было отличить от действительности. В желании освободиться я постоянно искал новые видения и неоднократно прибегал к ментальным упражнениям, пытаясь отогнать свои призраки. Затем инстинктивно я начал совершать экскурсии за пределы моего маленького мира, в котором жил, и вскоре увидел новые сцены. Вначале они были довольно туманны

и убегали при попытке сосредоточиться на них, но вскоре мне удалось их задержать. Они приобретали силу и ясность и, наконец, сделались конкретными, как и подлинные предметы. Вскоре я обнаружил, что лучше всего себя чувствую тогда, когда расслабляюсь и допускаю, чтобы само воображение влекло меня всё дальше и дальше. Постоянно у меня возникали новые впечатления, и так начались мои ментальные путешествия. Каждую ночь (а иногда и днём) я, оставшись наедине с собой, отправлялся в эти путешествия – в неведомые места, города и страны, жил там, встречал людей, создавал знакомства и завязывал дружбу, и (как бы это ни казалось невероятным, но остается фактом) они мне были столь же дороги, как и моя семья, и все эти иные миры были столь же интенсивны в своих проявлениях...»¹

– Что бы это значило, как вы думаете? – Карина терпеливо ждёт, пока я закончу читать, но видно, как её распирает от желания что-то прибавить. – Упражнения в изящной словесности или описание чего-то происходившего на самом деле?

– Могу лишь сказать, что я самый обыкновенный мент, который ни в мистику, ни в воображаемые путешествия не верит, – бормочу озадаченно. – Но тут несколько иная ситуация. Если бы всё это было лишь фантазиями экзальтированного юноши, начитавшегося пошлой эзотерики, это было бы одно дело. Однако Никола Тесла, насколько я понимаю, многие свои откровения и даже изобретения вытаскивал, как не

¹ Арсенов О.О. «Никола Тесла: засекреченные изобретения»

раз упоминал, из заоблачных сфер, в которые до сих пор не очень верят такие скептики, как я...

– И как я, – поддакивает Карина. – Но ведь тут он чёрным по белому пишет...

– Может, просто нагнетает атмосферу? Хочет лишний раз показать себя крутым магом и чародеем, к которому на кри-вой козе не подъедешь?

Некоторое время мы молчим, потом Карина вдруг спрашивает:

– Даниэль, скажите: вы Теслой интересуетесь вовсе не из праздного любопытства? Я не ошибаюсь?

– Почему вы так решили?

– Мне уже известно, что ваше путешествие... э-э... на тот свет – можно его так назвать? – далось вам нелегко. Я имею в виду здоровье. Всё-таки глубокий транс не банальная простуда. И сразу же после возвращения вы вдруг интересуетесь тайнами Теслы? К чему бы это? Да любой нормальный человек на вашем месте, приехав на отдых, открыл бы книжку какой-нибудь Дарьи Донцовой или уткнулся в кинушку с Брюсом Виллисом, лишь бы оттянуться по полной программе и выбросить из головы пережитые кошмары... Ведь неспроста же этот ваш интерес?

В проницательности Карине не откажешь, но и распинаться перед ней не собираюсь.

– Не знаю, что вам про меня наговорили в полиции, но я, действительно, побывал, как вы говорите, на том свете

и получил от погибшего преступника Баташова по кличке Бот некоторую оперативную информацию. Эту информацию я передал руководству. Благодаря ей была разработана и успешно проведена операция по задержанию другого опасного преступника по кличке Глен, за участие в которой меня премировали недельным отдыхом в Эйлате. Об этом будет доложено на пресс-конференции, вот и побывайте на ней, послушайте. Что вы ещё хотите узнать?.. А Тесла... могу же я чем-то интересоваться, кроме работы, вы такое можете предположить?

Карина прищуривается и хитро разглядывает меня, словно увидала впервые:

– Вы, небось, всю ночь зубрили эту казённую тираду для представителей жёлтой прессы? И больше вам совсем-совсем нечего сказать?

– Нечего. К вечеру впишу ответы в ваш вопросник и верну, – встаю и оглядываюсь по сторонам. – После ужина. А сейчас меня ждёт жена, и мы наконец отдохнём, как и планировали... Да, за вашу исчерпывающую информацию о Тесле спасибо... Будьте здоровы.

– Возьмите мою визитку, – доносится в спину. – Мне почему-то кажется, что это не последняя наша встреча.

– С чего вы взяли?

– Интуиция...

Поскорее удираю к лестнице, ведущей в спа-салон, а Карина остаётся за столиком, снова погружившись в чтение ин-

тернетовских статей о Тесле. Но не успеваю пройти и трёх шагов, как в моём кармане начинает трещать мобильник. Номер незнакомый, но у меня на душе почему-то начинают скрести кошки. Тяжело вздохнув, подношу его к уху.

– Даниэль, здравствуй, дорогой! Как твои дела?

– Кто это?

– Профессор Гольдберг. Неужели не узнал?

– Мы с вами раньше не разговаривали по сотовому телефону.

– Ничего страшного. Нам необходимо срочно встретиться.

– Я в Эйлате. И пробуду здесь до конца недели.

– Знаю, поэтому я тоже здесь. Специально, понимаешь ли, приехал, чтобы с тобой лично поговорить.

– Но я...

– Ни о чём не беспокойся. Я за твоей спиной...

Оказывается, в трёх столиках от того, за которым мы беседовали с Кариной, уже некоторое время сидит профессор Гольдберг в компании с незнакомым молоджавым мужчиной. Как я на них сразу не обратил внимание? Эх, мент, совсем ты нюх потерял, расслабился на отдыхе!

Несмотря на жару, оба в строгих костюмах и рубашках с галстуками.

– Чем я заслужил такую честь, господа, если сам профессор Гольдберг почтил меня своим вниманием в компании с... извините, вашего имени не знаю, – развожу руками и пытаюсь изобразить из себя бодрячка. Никакой радости, если говорить честно, от встречи не испытываю.

– Меня зовут Алонсо, – вежливо представляется спутник профессора.

Его иврит – с жутким рычащим латиноамериканским акцентом, и по нему сразу понятно: если этот Алонсо и израильтянин, то совсем свеженький, мало общавшийся с публикой на улице.

– Как себя чувствуешь? – участливо интересуется у меня медицинское светило. – Голова не кружится? Потеря памяти? Слабость?

– Профессор, давайте сразу к делу, – надуваюсь, как таракан, – вы же сюда ехали совсем не для того, чтобы заинтересо-

ваться моим самоочувствием, ведь так?

– И то верно! – Гольдберг приглаживает свою густую седую шевелюру и жестом приглашает присесть рядом. – В принципе, для тебя уже не секрет, о чём будет разговор. Наш человек вчера обрисовал ситуацию в общих чертах...

И тут совершенно неожиданно за нашими спинами полыхает вспышка фотоаппарата. Вздрагиваю и оборачиваюсь: это, конечно же, Карина, которая на ходу сгружает свои ручки и блокноты в рюкзак и на всех парах улепётывает к выходу из отеля.

– Что происходит? – удивлённо сдвигает брови профессор. – Эта женщина с тобой, Даниэль? Зачем она нас снимала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.